

УДК 141.3 + 303.433.3

Стратегии анализа идеологии в семиотике У. Эко¹

Strategies of ideology analysis in semiotics of U. Eco

Бурсевич В. В.

В статье анализируются особенности понимания идеологии У. Эко. Автор исследует связь между понятиями «идеология», «код», «бесконечный семиозис» и «открытая структура», а также пытается оценить потенциал семиотической методологии для анализа идеологии.

Ключевые слова: идеология, семиотика, код, «бесконечный семиозис», «открытая структура».

The article is devoted to analysis of U. Eco's understanding of ideology. The author of the article investigates the links between such concepts as «ideology», «code», «unlimited semiosis» and «open structure», as well as tries to estimate the potential of semiotic methodology for ideology analysis.

Key words: ideology, semiotics, code, «unlimited semeiosis», «open structure».

В современной философской мысли существует уникальная методология семиотического анализа, разработанная итальянским исследователем У. Эко. Однако в центре нашего внимания не столько развитие семиотики У. Эко как таковой, но понятие идеологии в его семиотической концепции, а также тот потенциал, которым семиотика У. Эко обладает для анализа идеологии. А эта проблема не получила достойного освещения как в зарубежной, так и в русскоязычной исследовательской литературе. Поэтому среди задач статьи: 1) выявление

¹ Бурсевич, В.В. Стратегии анализа идеологии в семиотике У. Эко/ В. В. Бурсевич // Социальная онтология в структурах теоретического знания: Материалы VIII Международной научнопрактической конференции / Под общей ред. О.Н. Бушмакиной, Э.Р. Рогозиной — Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – С. 15-26.

специфики понимания идеологии в работах У. Эко; 2) рассмотрение основных теоретических понятий, которые могут быть связаны с понятием идеологии в его работах; 3) демонстрация потенциала семиотики У. Эко для анализа идеологии.

Начать следует с того, что, в отличие от структуралистов, представителей дискурс-анализа и в целом от господствующей в западной мысли негативной оценки идеологии, для У. Эко скорее характерно «нейтральное» рассмотрение этого понятия. В работе «Отсутствующая структура» (1968) он отмечает: «Нужно напомнить ... что понятие идеологической информации – нейтральное понятие и не имеет смысла оценки» [5. С. 198]. Использование понятия «идеология» как аналога системы убеждений роднит У. Эко с семиотиками Тартуско-Московской школы. Сложно утверждать, что их идеи оказали на У. Эко непосредственное воздействие, но нельзя отрицать и того, что У. Эко неплохо знаком с работами русских формалистов и семиотиков. Таким образом, У. Эко понимает под идеологией «все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» [5. С. 108].

Проблема анализа идеологии у Эко превращается в исследование того, как внесемиотический, т.е. идеологический, мир влияет на семиозис. При анализе культурных феноменов У. Эко использует модель коммуникации Р.О. Якобсона, дополняя ее достижениями теории информации. Понятие «код», от которого французские постструктуралисты попытались избавиться, переключая свое внимание на исследование текста, и за использование которого М.М. Бахтин упрекал тартуско-московских исследователей, оказывается узловой точкой семиотики У. Эко. Использование понятия «код» приводит к постановке вопроса об эпистемологическом статусе, как самого этого понятия, так и структурализма в целом. Как известно, У. Эко отдает предпочтение инструментальному подходу, признающему структуры и оппозиции лишь удобным понятием для описания объектов. Соответствующие места «Отсутствующей структуры» остаются до сих пор наиболее убедительной критикой онтологического структурализма. Отношение

У. Эко к структурализму как методологии точно отражают слова Вильгельма в «Имени розы»: «Исходный порядок – это как сеть или как лестница, которую используют, чтоб куда-нибудь подняться. Однако после этого лестницу необходимо отбрасывать, потому что обнаруживается, что, хотя она пригодилась, в ней самой не было никакого смысла» [3. С. 420-421].

Код, таким образом, оказывается у Эко правилом, устанавливающим соответствие между означающим и означаемым в рамках окказиональной ситуации. Понятия денотации и коннотации также, хотя и достаточно редко, используются У. Эко: денотация как синоним первичного кода, а коннотация – вторичного. Понятие «идеология» связывается с понятием «кода», поскольку код в процессе коммуникации выполняет репрессивную функцию ограничения возможностей понимания. Но он также выполняет и продуктивную функцию, ибо вне подобного рода ограничений процесс понимания оказался бы практически не возможным в силу бесчисленности векторов интерпретации.

Для У. Эко вопрос о взаимодействии идеологии и языка формулируется как вопрос о взаимодействии идеологии как набора социальных конвенций и ожиданий и риторики как совокупности кодов и коммуникативных приемов. Идеология как базис для познавательной и социальной активности превращается в код, получая возможность трансляции. Однако идеологии являются не просто коннотациями, но метаконнотациями, которые задают структуру и окончательную форму другим более локальным кодам.

Несмотря на случаи тесного срастания идеологии и соответствующей риторики, семиотическое построение сообщения и выражаемая им идеологическая позиция не тождественны, их взаимодействие не прямое. Эко выделяет случаи, когда риторический и идеологический уровни сообщения не соответствуют друг другу: новаторское в смысле семиотического построения сообщение может нести банальный идеологический посыл, а новые системы мировоззрения в принципе могут быть преподнесены с использованием ординарных риторических приемов. Кроме того, в современной коммуникативной сфере встречаются

сообщения, в которых риторический ряд, ассоциируемый с определенным идеологическим содержанием, выхолащивается, стилизуется.

Отсутствие строго критической позиции У. Эко по отношению к идеологическому коду может быть объяснено, как признанием позитивной функции кода для понимания сообщения, так и разрабатываемыми Эко понятиями «открытого произведения» и «безграничного семиозиса». С точки зрения исследования идеологии, интересна проблема неоднозначности сообщения на момент его создания и восприятия, затрагиваемая У. Эко при работе над понятием «открытого произведения» («Открытое произведение» (1962), «Роль читателя» (1979)). Хотя философ и использует его в первую очередь по отношению к художественному произведению, однако оно может быть отнесено к любому семиотическому сообщению [4. С. 14]. Интересно, что У. Эко осознает некоторую ограниченность своей концепции «открытого произведения», не потому, что невозможно обнаружить последнее на практике, но, напротив, поскольку любое сообщение является достаточно открытым.

Привнесение момента случайности позволяет, не только «открытому произведению» в прямом смысле слова, но и любому сообщению сопротивляться тенденциям на сворачивание кода. Знакомство с концепцией И. Пригожина позволило У. Эко преодолеть статичность структурализма, поскольку объяснило влияние случая на процесс понимания сообщения. В этом отношении обнаруживается много сходства между концепцией У. Эко и поздним периодом «Культуры и взрыва» Ю.М. Лотмана. Двигаясь в своих исследованиях в какой-то мере в сходном с Ю.М. Лотманом направлении, У. Эко дает методологическое обоснование своему обращению не к структуре, а к коду. Если структура террористична, так как задает жесткую конфигурацию элементов, то код подразумевает плюральность, ведь его выбор – случайность. Поэтому код, хотя и позволяет реконструировать цепи коммуникации, но не ограничивает многомерности смысла.

Выводы, которые можно сделать на основе анализа работ У. Эко, касающиеся его взглядов на возможность однозначного идеологического воздействия,

выглядят следующим образом. Сообщение не может иметь принудительный идеологический характер в силу того, что всегда воспринимается в определенном контексте, вступает во взаимодействие с «энциклопедией», т.е. читательской компетенцией воспринимающего. «Читатель распознает элементарные идеологические структуры текста, – и эта операция предопределена его, читателя, собственными идеологическими субкодами» [4. С. 44]. Сообщение всегда может быть интерпретировано в совершенно ином ключе, с использованием иного идеологического кода. Воспринимающий постоянно выстраивает «возможные миры», собственные гипотезы о сути сообщения. У. Эко пишет: «И это и есть “революционная” сторона семиологического сознания, ... там, где невозможно поменять способы отправления или форму сообщений, всегда остается возможность изменить – таким партизанским способом – обстоятельства, в которых адресаты избирают собственные коды прочтения» [5. С. 415]. Таким образом, «открытость» сообщения связана с той особой коммуникативной стратегией, которую оно формирует по отношению к воспринимающему, а не с отсутствием в нем идеологической позиции.

Вопрос об идеологиях не снимается и в процессе трансформации читателя в со-автора. Даже занимая активную по отношению к тексту позицию, читатель-автор включен в социальный контекст, является носителем определенных взглядов. Однако в этом случае под вопросом оказывается возможность автора сообщения непосредственным образом влиять на читателя, т.е. ставится под сомнение идеологическая функция сообщения. Эти вопросы У. Эко поднимает, рассматривая понятие «неограниченного семиозиса», проблемы пределов интерпретации и адекватности перевода.

В противоположность, казалось бы, собственным идеям о принципиальной открытости семиотического сообщения, У. Эко в докладе «Будущее книги» пишет: «Кажется, тривиальной, но радикальной ошибкой безответственных деконструкционистов или критиков, таких как Стэнли Фиш, было представление, что с текстом можно делать все, что пожелаешь. Это совершенное заблуждение» [6]. В «Пределах интерпретации» (1990) и в статье «Неограниченный семиозис»

двум распространенным точкам зрения: что сообщение, с одной стороны, имеет фиксированное значение, и, с другой стороны, может быть интерпретировано до бесконечности [7. Р. 206], У. Эко противопоставляет идею «неограниченного семиозиса».

Для У. Эко достаточно значимой проблемой оказывается демаркация концепции «неограниченного семиозиса», основанной на идеях Ч.С. Пирса, от идей деконструкции. Интерпретируя цитату Ч.С. Пирса, что «знак – это такое нечто, зная которое, мы знаем, кроме него, еще что-то» [1. С. 171], Эко утверждает, что узнать «нечто большее» мы можем лишь потому, что наши познавательные способности в целом ограничены; семиозис потенциально неограничен, но конкретный семиотический акт всегда задан контекстом, благодаря которому неограниченные цепи знаковых эквивалентностей сужаются. Поэтому, отмечает У. Эко: «В течении семиотического процесса мы хотим знать только то, что соответствует данному дискурсивному универсуму» [7. Р. 210]. Хотя Ч.С. Пирс и признает, что невозможно мыслить вне знаков, его концепция не тождественна деконструкции. Для Ч.С. Пирса значение всегда сопряжено с понятием цели, интерпретация – с экстра-семиотическим контекстом.

Идеи Ч.С. Пирса используются У. Эко при попытке положить некий предел интерпретациям, которые должны соответствовать, если не интенции автора, то интенции самого произведения (*intentio operis*) как его «семиотической стратегии» [9. Р. 180], о которой речь идет в «Пределах интерпретации» [10] и в «Интерпретации и сверхинтерпретации» [8]. Сообщение не может означать, что угодно. Использовать текст читатель может по своему усмотрению, однако, когда речь идет об интерпретации, всегда существует некий «экономический критерий», на основе которого одни гипотезы более уместны, чем другие. Текст интерпретируется не в соответствии с намерениями автора, но в соответствии со стратегиями взаимодействия, в которые вовлекается читатель с его культурной и языковой компетенцией. Как определить, что некоторое предположение соот-

ветствует интенции текста? Ответ был предложен еще Августином и давно получил конкретное название – «герменевтический круг»: интерпретация части текста может быть принята, если она не противоречит другим его частям.

В работах У. Эко обнаруживается помимо «нейтральной» и еще одна противоположная тенденция исследования идеологии – уже «критическая». В своих эссе У. Эко занимается деидеологизацией феноменов массовой культуры, сходной с работой Р. Барта в «Мифологиях». У. Эко приближается к воззрениям на идеологию, изложенным М. де Серто в «Изобретении повседневного». Возможность множественных интерпретаций является законом и массовой коммуникации. При анализе проявлений идеологии в повседневности У. Эко придерживается позиции, что власть – «это проблема не источника сообщения, а адресата» [11. Р. 142]. Иными словами, идеология массовой культуры не кажется ему таким уж чудовищем. Особое отношение У. Эко к массовой культуре и массмедия можно объяснить в какой-то мере тем, что он сам являлся их частью: с 1955 года он работает на телевидении, пишет для журналов, работает редактором в издательстве «Bompiani».

В отличие от теоретиков Франкфуртской школы У. Эко не обращается к повседневности, чтобы показать ее пугающе идеологический характер, он не предрекает неизбежный крах современной культуры. В эссе, анализирующих семиотические коды и идеологии таких продуктов культурыиндустрии, как комиксы, детективы, массовое кино, интернет, У. Эко скорее с долей любопытства и иронии рассматривает окружающие его культурные реалии, пытаясь определиться в своем отношении к ним. Рефлексируя по поводу реакции интеллектуалов на культурные изменения, У. Эко пишет работу «Реакции апокалиптических и интегрированных интеллектуалов» (1977). Упрекая и тех, и других в радикализме позиций и отсутствии планомерного исследования массовой коммуникации, У. Эко, тем не менее, видит в «несправедливой, односторонней, невротической, безжалостной цензуре» [Цит. по 2. С. 51] апокалиптических авторов, предрекающих культурный кризис, необходимый противовес оптимизму интегрированных интеллектуалов и толчок к исследованию массовой культуры.

В целом разделяя критические интенции, У. Эко острожен в вынесении обвинений, он против того, что Ф. Ницше называл «искусством подозрения». Большую роль для него играет критерий здравого смысла, хотя подозрение, как такое, не патологично. Но здравомыслящая интерпретация состоит не в том, чтобы из некой очевидности вывести максимум скрытого смысла и идеологического влияния. У. Эко отмечает в одном из интервью: «Как семиотик я постоянно пытаюсь искать значение вещей, сокрытое в подтексте, но я против раковой опухоли чрезмерной интерпретации, которой вы никак не можете удовлетвориться» [Цит. по 2. С. 147].

Основным инструментом преодоления идеологического воздействия высказывания для У. Эко становится ирония. Как отмечает исследовательница Л. Хатчион: «Быть восприимчивым к иронии – значит читать с подозрением» [12. Р. 108]. Ирония как принцип создания У. Эко его собственных текстов, как принцип работы с другими текстами, подрывающий веру в наличие в тексте окончательного секрета. В этом отношении он признает игровой подход постмодерна, для которого борьба с идеологиями оказывается не столь существенной, поскольку власть автора навязывать идеологические коды подрывается способностью читателя к интерпретации. Что не избавляет, конечно, от необходимости анализа идеологических позиций, выражаемых в языке, тексте и речи, но меняет ракурс их исследования.

Деятельность У. Эко демонстрирует, таким образом, весьма взвешенный подход к пониманию идеологии зрелого исследователя. Как теоретик У. Эко придерживается «нейтрального» взгляда на исследуемый феномен, не вынося оценок и приговоров, лишь анализируя те пути, которыми любая идеология находит выражение в знаковых системах. Иное дело, У. Эко как интеллигент с конкретной гражданской позицией, сам носитель определенной идеологии, исходя из которой, он и имеет право на аргументированную критику актуальных явлений и право некой терапевтической деятельности.

Семиотическая концепция У. Эко ориентируется на коммуникативную модель «открытого» процесса, но без радикальной идеи постструктурализма о безграничной диссеминации смысла. У. Эко разрабатывает не семиотическую систему, но методологию семиотического исследования, способную учесть диалектику кода-сообщения, взаимосвязь риторики и идеологии, постоянную смену кодов. Для чего им и используются весьма гибкий категориальный аппарат. В этом отношении У. Эко следует современным тенденциям в гуманитарном знании в разработке «слабых» версий теории, ориентированных на изучение социальных явлений как практик, не детерминированных жесткими правилами: П. Бурдьё («Практический смысл»), П. де Ман («Соппротивление теории»), А. Компаньон («Демон теории»).

Подводя итоги, следует отметить, что семиотическая концепция У. Эко, будучи сформированной несколько позднее семиотики Р. Барта и Тартуско-Московской школы, представляет собой некий срединный феномен, как в отношении семиотической методологии в целом, успешно сочетая концепции знака Ф. де Соссюра и Ч.С. Пирса, так и в отношении исследования идеологии, используя потенциал «критического» и «нейтрального» понимания идеологии.

Наиболее связанным в семиотике У. Эко с понятием «идеологии» выступает понятие «кода». Однако в отличие от постструктуралистов, которые отказываются от «кода» в пользу понятий «письмо» и «текст», У. Эко изначально понимает код не как жесткое соотнесение означающего и означаемого, но как подвижную систему эквивалентностей. Словами А.Р. Усмановой: «Эко предлагает переместить центр тяжести с самого знака на его восприятие» [2. С. 86]. Стремление учесть случайность в процессе коммуникации приводит У. Эко к постановке проблем «неограниченного семиозиса» и конструированию модели «открытого произведения. В результате, идеология понимается достаточно «нейтрально», как многочисленные мировоззренческие установки, репрезентированные в тексте.

Критическая же деятельность понимается У. Эко не просто как фальсификация идеологий, но как стратегия критического чтения сообщения. Подобное

критическое чтение является «одновременно и анализом самих интерпретационных методов такого чтения» [4. С. 348], т.е. направлено не только на поиск властных источников сообщения, но еще и сопровождается рефлексией над собственными стратегиями чтения, – что и увеличивает степень осознанности и снижает идеологическое воздействие.

Список литературы

1. Пирс Ч. С. Учение о знаках // Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 176-234.
2. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Мн.: «Пропилеи», 2000. 200 с.
3. Эко У. Имя розы/ Пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Книжная палата, 1989. 496 с.
4. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
6. Eco U. The Future of the Book / Ed. by G. Nunberg. Berkeley: University of California Press, 1996. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.turksheadreview.com/library/Eco-futurebook.doc>. Date of access: 20.01.2011.
7. Eco U. Unlimited Semeiosis and Drift: Pragmaticism vs. «Pragmatism» // Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries / Ed. by K. L. Ketner. New York: Fordham University Press, 1995. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.cspeirce.com/menu/library/aboutcsp/eco/unlimited.doc>. Date of access: 20.01.2009.
8. Eco U. Interpretation and overinterpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 151 p.
9. Eco U. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. The Tanner lectures on human values Delivered at Clare Hall, Cambridge University March 7 and 8, 1990. P. 141-202. [Electronic resource]. Mode of access:

http://www.tannerlectures.utah.edu/lectures/documents/Eco_91.pdf. Date of access: 16.07.2011.

10.Eco U. The limits of interpretation. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 295 p.

11.Eco U. Travels in hyperreality: essays. London: Pan Books, 1987. 307 p.

12.Hutcheon L. Umberto Eco's Holistic Detective Agency. P. 107-116. [Electronic resource]. Mode of access: <https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/10249/1/Hutcheon1993Umberto.pdf>. Date of access: 20.02.2011.